

«Мои» адреса в Москве.

Весь XX век, до и после...

Светлана Лютова

В адресной книге «Вся Москва» за 1901 г. (выложенной, кстати, и в Internet добрыми людьми) я нашла своего прадеда. На 434 странице запись (рекламная, очевидно) гласила: «Тараканов Гаврила Степанович. Зацепская ул., дом Семёнова. Посуда»¹. Это первый известный мне московский адрес представителя моей семьи, на 392 странице адресной книги значился и сам Семёнов – «Николай Семёнович, домовладения 371, 453 по ул. Зацепе». (Впрочем, не матерью ли Г.С. Тараканову приходилась Тараканова Прасковья Никитична, державшая к 1895 г. посудную лавку на ул. **Б. Дорогомиловской**, по данным «Торгово-промышленной адресной книги г. Москвы...» на этот год?)

Предки Таракановых (Вешняковы? Вишняковы?) были родом из подмосковного села Кузнецова Нарофоминского уезда, но Степан Тараканов уже в конце XIX в. держал в Москве магазин, богатые родственники-мясники, по преданию, обитали в районе Таганки, сын же Степана Гаврила владел москотильной лавкой. Последний представлял собой, очевидно, выгодную партию для сироты, выросшей в доме родственников... В том самом 1901 г., когда Г.С. Тараканов был «пропечатан» в адресной книге, у Гаврилы Степановича и его жены Александры Егоровны (урождённой Семёновой... А не была ли она бедной родственницей-воспитанницей Семёнова-домовладельца?) родился их первенец Владимир. Дети и даже старшие внуки Таракановых помнили как свой семейный дом возле храма Флора и Лавра на углу Зацепы и Зацепской площади, что выходит к Павелецкому вокзалу. Дом этот (тот самый ли, Семёнова, или уже другой?) в конце XX в. был снесён.

Мой же дед Василий (1909 г. рожд.), младший сын Г.С. и А.Е. Таракановых (и предпоследний из их шестерых детей), хорошо помнил уже другой дом – **дом на Дербеневской улице (д. 10, кв. 19)**, откуда, 5 марта 1935 г. женившись на моей бабушке, переехал к жене. В той квартире «на Дербеневке», ставшей после 1917 г.

¹ О большой дороге по Новокузнецкой и Дубининской улицам свидетельствует <...> нахождение на второй из них в XVI – XVII вв. слободы ямщиков, возивших в Коломну людей и товары <...>. В 1683 – 1722 гг. у ворот земляного вала осматривали привозимые в город товары, – нет ли среди них не оплаченных пошлиной или запрещённых к ввозу в город «корчемных питей». В Замоскворечье особенно удобно было провозить контрабанду в возах с сеном. Осмотр возов был труден и требовал иногда нескольких дней ожидания в очереди. Чтобы возы соблюдали очередь, перед ними протянули длинную железную цепь, за которой скоро появились лавочки, палатки, харчевни и пр. За цепью образовалась улица Зацепа. Есть и другое объяснение названия этой улицы: здесь останавливали, «зацепляли» возы с кладью для таможенного осмотра. <...> В 1898 – 1899 гг. между Кожевнической и Коломенской-Ямской (ныне Дубининской) улицами по прежней (высохшей) старице реки Москвы были проведены пути Павелецкой железной дороги, и на Зацепе появился нынешний Павелецкий вокзал. <...> На Зацепе в 1907 г. появилось первое в Замоскворечье высшее учебное заведение – Московский коммерческий институт» (ныне – Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова). *Здесь и далее сноски приведены по книге Петра Васильевича Сытина (1885 – 1968) «Из истории московских улиц: Энциклопедический путеводитель по улицам Москвы», М.: Современник, 1999.*

коммунальной, жил до Революции француз, приказчик на бумажной мануфактуре (позже Первой ситценабивной фабрике) «Э. Циндель и К°». На фабрике (бухгалтером?) работала А.Е. Тараканова. Видимо, на этой фабрике, расположенной на той же Дербеневской улице, закончил свой «трудовой путь» и Гаврила Степанович Тараканов.

К мужу Д. Зорько переселилась с «Дербеневки» и старшая из сестёр деда – Лидия Гавриловна (Костромина, урожд. Тараканова). По некоторым сведениям, она поменяла 701-ую квартиру на другую после ВОВ, но до конца жизни прожила **в том же доме № 10 (знаменитом доме архитектора Нирнзее) по Большому Гнездииковскому переулку**, отходящему от Тверской чуть ниже Пушкинской площади. Я любила бывать в этом доме.

Вот адрес, по которому поселился мой дед В.Г. Тараканов, в 1935 году женившись: [«3-я Черкизовская улица, дом 39, квартира 3»](#). Это был первый адрес в Москве моих пращуров Марковых (Бориса Петровича и Ксении Петровны) – его тестя и тётки (и второй по времени из документально подтверждённых «моих» московских адресов).

По этому адресу Марковы обосновались осенью 1917 года, по данным Домовой книги (адрес этот также указан в справочнике «Вся Москва...» на 1925-й год), после странствия по городам и весям России, исходным пунктом которого был Саратов (или Лодзь Петроковской губ. Царства Польского? – мешанкой этого города, – по мужу, видимо, – являлась К.П. Маркова, как было написано в её удостоверении личности от 04.05.1910 г.). В трёхкомнатной квартире, одной из квартир двухэтажного деревянного дома (какими до сих пор полны провинциальные русские города), ютились старшие Марковы и их дети: моя бабушка Галина Борисовна Маркова с мужем и дочерью – моей маленькой мамой, а также младший брат бабушки Олег, тоже с семьёй. После смерти стариков и ухода Олега ко второй жене квартира была разделена пополам (с отдельными входами из общих сеней) между первой его женой и моей бабушкой.

В 1958 или 1959 гг. бабушка предпочла перебраться с семьёй в дом, предоставленный ей институтом: в одну комнату коммунальной квартиры, зато «с удобствами» и рядом с работой – на Донской улице. Таким образом она вернула дедушку из Черкизова в родные его места (всё то же Замоскворечье, хоть и не восток его), а будущую меня к моим (будущим) – приблизила.

Младшая сестра моей прабабки К.П. Марковой Анна Петровна («тётя Нюша»), покочевав по многим адресам Москвы, на склоне лет (в 1970-х гг.) жила в одноэтажном домике на углу Бахрушинской улицы и площади Павелецкого вокзала. Помню, у неё была просторная светлая комната в коммуналке, вся в кружевных подзорах и вязаных салфеточках на старомодных этажерках. Окна комнаты выходили на улицу. А тремя «чужими» окнами домик смотрел на площадь... ещё много лет спустя «тётеньюшиной» смерти, и мы с мамой, дожидаясь трамвая до Птичьего рынка, приветствовали его. Всего несколько лет назад (пишу в 2005), как и дом Таракановых, сначала домик снесли, устроив на его месте уличную забегаловку под навесом, потом и Птичий рынок (Калитниковский) ликвидировали. Но домики бревенчатые в окрестностях Бахрушинской ещё кое-где сохранились.

Брат бабушки Олег Борисович Марков ко второй жене Валентине Ивановне ушёл жить в Марьину Рощу², в тех же краях, только в многоэтажном доме, они с

² Три параллельные улицы на севере Москвы и семнадцать пересекающих их проездов носят общее название Марьиной рощи. В XVII в. вся местность здесь была покрыта густым лесом, в восточной стороне которого на речке Копытовке лежала деревня князей Черкасских, называвшаяся по

детьми получили новую квартиру по адресу: **Лазаревский переулок, дом 2, квартира 107**. Сказочно гостеприимным казался мне этот родственный дом!

В Черкизове, там же, где мама, родился и вырос мой отец, Николай Николаевич Лютов: «улица Хромова, дом 8, квартира 2». «Хромовая», как с нежностью называла её потом моя бабушка, Мария Герасимовна Суворова. Герасим Суворов, прадед, уроженец подмосковного села Карпова Воскресенского уезда (из гуслицких старообрядцев), благодаря своему техническому таланту, «вышел в люди» и детям своим, росшим в деревне, завещал обосноваться в Москве. В 1932 году, после смерти отца, десятилетней девочкой М.Г. Суворова переехала в Черкизово к двум старшим братьям, жившим на «Хромовой» (ещё их отец, мой прадед, обзавёлся этой квартирой).

Двух домов, где жили Марковы и Суворовы, в Москве уже нет: бывшее село Черкизово, пригород (прадед мой ещё и в 1943 году, по привычке, подписывал письма: «Б. Марков, с. Черкизово»), на рубеже 1950/60-х годов было снесено и застроено новыми кварталами. Бабушку М.Г. Суворову с двумя сыновьями и мужем переселили недалеко, в отстроенную только что «пятиэтажку на столбах» (**дом 3, корпус 3, квартира 24) по Большой Черкизовской улице**, укрытую большим кирпичным домом от Преображенской площади³. Там она и прожила остаток жизни.

Другая бабушка, Г.Б. Маркова, с семьёй поспешившая переехать из Черкизова, не дожидаясь сноса родительского дома, жила до 1968 года **на Донской улице, в большом кирпичном доме № 60, в квартире 53** (в настоящее время, видимо, изменилась нумерация (так что на чётной стороне Донской оказалось всего 32 дома), и дом этот возле маленькой Вознесенской церквушки – 24-ый или 26-ой,

переписным книгам 1678 г. «слобода Марьино». К 1740 г. деревня Марьино перешла к графам Шереметевым. В 1742 г. недалеко от деревни был проведён Камер-Коллежский вал – таможенная граница Москвы, и лес вокруг был значительно расчищен. Между деревней и валом образовалась берёзовая роща, названная по деревне Марьиной рощей. К 1750 г. на месте небольшого немецкого кладбища в Марьиной роще было открыто обыкновенное кладбище, названное по кладбищенской церкви Лазаря – Лазаревским. В начале XIX в. поэт В.А. Жуковский написал повесть «Марьино роща. Старинное предание»: здесь некогда жила якобы красавица Мария, влюблённая в певца и поэта Услава, Марию постигла мучительная смерть. В 1829 г. в «Указателе Москвы» Кузнецова отмечалось: «Марьино роща тем замечательна, что она служит сборным местом для цыганок, плясунов, гитаристов и прочих подобных им людей. Праздничное гулянье бывает здесь в Семик, на которое съезжается много экипажей и народа». В середине XIX в. в Марьиной роще появились трактиры с цыганскими хорами и другими увеселениями, и она сделалась местом развлечения богатого дворянства и купечества. В 1880-х годах «Шереметевское поземельное общество» получило от графа Шереметева Марьину рощу в долгосрочную аренду, вырубил её, распланировало по шахматной системе на строительные кварталы и сдало участки в субаренду мелким собственникам, поставившим здесь свои деревянные дома. Здесь стали возникать фабрики и заводы. В советское время рабочий элемент в составе населения Марьиной рощи стал преобладающим.

³ Своё название Преображенские площадь и улица получили более 300 лет назад по стоявшей здесь с 1660 г. церкви Спаса Преображения «близ деревни Хапиловки», переименованной в 1661 г. в село Преображенское. Главная улица села, современная Преображенская, и Преображенская площадь были частью дороги из Москвы в Черкизово ещё в XIV в. В XIV – XV вв. здесь был густой девственный лес. В лесу проходила Стромьинская дорога из Москвы через село Черкизово в село Стромьинь и в город Суздаль. В 1657 г. царь Алексей Михайлович построил себе деревянный Преображенский дворец, куда летом часто приезжал со всей семьёй и охотился в ближайшем лесу. Пётр I с матерью, оставив в 1686 г. Кремль, жил сначала в Преображенском охотничьем дворце своего отца на правом берегу реки Яузы. На плане Хотева 1850 г. на современной Преображенской площади стояли три небольших двора купцов Калмыковых, с каменными и деревянными строениями, и совсем маленький двор купцов Юрасовых, с каменным зданием по улице. В конце квартала за ними находился «Казённый питейный дом» с каменным и деревянным строениями по улице и двумя деревянными во дворе.

надо уточнить). Там же первый год после свадьбы провели мои родители, туда же четыре года спустя – «поиграть» бабушке с бабушкой – прямо из 23-его роддома на соседней улице Шаболовке⁴ (ул. **Шаболовка, д. 57**, почти у подножья Шаболовской телебашни!) принесли и меня. Так что дом близ стен Донского монастыря я могу считать *своим первым Домом*.

Но первый свой адрес я обрела, разумеется, по месту прописки родителей – Людмилы Васильевны и Николая Николаевича Лютовых: **в квартире 19 дома 44 по улице Лобачевского**, где и поселилась весной 1966 г. Это была уютная двухкомнатная квартирка в новом, купленном бабушкой для моей мамы на застраиваемом Юго-Западе «кооперативе» – одноподъездном девятиэтажном доме... Квартира, которой я не помню.

Когда в конце 1967 г. умер мой дед, В.Г. Тараканов, родители с бабушкой съехались, обменяв её комнату на Донской и свою «двушку» на трёхкомнатную квартиру в «пятиэтажке с балконами» **тоже по улице Лобачевского**. Эта квартира и стала родным моим Домом, который я помню со дня первого посещения его (ещё в процессе обмена) летом 1968 г. Отсюда в 1972 г. бабушка выбыла в мир иной, а я – в 1984 г. – замуж, чтобы официально вернуться обратно в 1992 (никуда я не «выбыла» на самом деле: прописавшись у мужа в надежде на получение отдельной квартиры, продолжала, вместе с ним и родившейся в августе 1989 г. дочерью, жить у своих родителей почти до самого конца 1989 г.).

Семь лет (1984 – 1991) я была прописана в материнском доме моего мужа (пятиэтажном «карточном домике» без балконов) по ул. **Удальцова**. Маленькой девочкой моя будущая свекровь Тамара Николаевна Дмитриева (до первого брака Василенко) приехала в Москву из Витебска: её отчим, военный служащий, был «переброшен» на строительство нового здания МГУ им. М.В. Ломоносова. Семью поселили недалеко от места грандиозной стройки – в строительном городке у деревни Раменки, уже оказавшейся в черте города. В 1950-е годы Тамара пойдёт там в школу и попадёт в один класс с местным раменским мальчиком Колей Дмитриевым, не подозревая ещё, что много лет спустя выйдет за него замуж вторым браком, и они поселятся совсем недалеко от мест своего детства, на улице Удальцова. Этот последний московский адрес моей свекрови стал и первым официальным адресом моей дочери. Однако мы жили там недолго: с 06.11.89 г. до начала лета 1990-ого. До того – на улице Лобачевского с моими родителями, после, с осени 1990 года, – в квартире покойной бабушки моего мужа.

Через год с лишним, в конце 1991 г., однокомнатная квартира скончавшейся в 1990 г. бабушки мужа Ольги Васильевны Василенко (урождённой Москальковой) в «пятиэтажке с балконами» **(в доме 21, корпус 2, квартира 13) по улице Севанской** решением суда была закреплена за нами. *(Первая московская квартира семьи Василенко, семьи моей свекрови, не считая строительного барака в Раменках, была ими получена в 1960-е годы на той же Севанской улице, только в другом доме. Она стала и первым московским домом моего свёкра, тогда студента МГИМО родом из Пятигорска (позже он сменит ещё две квартиры в Москве, под конец обосновавшись в Кунцеве). Та первая квартира на Севанской осталась за семьёй брата моей свекрови).* Жили мы на Севанской чуть больше полутора лет, уже весной

⁴ До конца XVII в. на месте улицы Шаболовки проходила просёлочная дорога из подмосковного села Шаболовка к Калужским воротам Москвы. К 1740-му году известны уже обе улицы – и Шаболовка, и Донская (названная по соседнему Донскому монастырю) – почти на всей их теперешней протяжённости.

1992 г. обменявшись с моими родителями. Родители на несколько месяцев переехали на Севанскую...

Мы же с мужем и дочерью вернулись в мой родной дом, где и были вскоре, все трое уже, прописаны по прежнему моему адресу, на ул. Лобачевского. С 1996 г. я работаю в МГИМО (У) МИД РФ, 4-5-этажное здание которого («лежащий небоскрёб»), вытянулось в начале 1970-х гг. вдоль улицы Лобачевского (на противоположной от моего дома её стороне) и лишь по какому-то досадному недоразумению получило адрес: «**проспект Вернадского, 76**»! В этом здании в 1983–1988 гг. учился в МГИМО мой муж, в нём преподавал до самой своей кончины 24 июля 2000 г. его отец.

Родители мои в 1992 же году обменяли квартиру на Севанской на такую же однокомнатную квартиру совсем близко от нас, **на улице Коштоянца**, где отец прописан и поныне.

7 апреля 2005 г. в возрасте 89 лет скончалась **Наталья Петровна Сытина**, дочь известного краеведа, основателя Музея истории и реконструкции Москвы Петра Васильевича Сытина и многолетняя сотрудница моей мамы по биологическому факультету МГУ им. М.В. Ломоносова. Н.П. Сытина родилась 29 февраля (ст. ст.) 1916 г. в доме по Калашному переулку, что, идя параллельно бульварному кольцу, соединяет Воздвиженку с Б. Никитской улицей. Её квартира во втором этаже этого дома, заполненная старинными вещами, была совершенно необычна, как казалось мне в детстве: из прихожей, пройдя одну за другой все комнаты, гость попадал обратно в прихожую, помнится, только застеклённая веранда (или зимний сад?) располагалась в стороне от этого кругообращения. Однако дом сильно обветшал к концу века; в дождь старушка в нескольких местах расставляла тазы: крыша протекала, а сама Наталья Петровна в наиболее опасных местах своего жилища надевала строительную каску: то и дело обваливались с потолка куски штукатурки! В середине 1990-х годов дом стали готовить под снос, а жильцов отселяли на окраины. С большим трудом удалось выхлопотать для дочери москвовед Сытина квартиру... в Раменках – не в деревне уже, а в новом микрорайоне недалеко от той снесённой уже давно деревни. Наталья Петровна на переезд сюда скрепя сердце согласилась, имея в виду близость от места её «ссылки» как родного факультета МГУ, так и дома моей матери: последняя к тому времени уже давно опекала слепнущую пенсионерку, которая собственной семьёй так и не обзавелась. «Натпета», вдохновенная пушкинистка, с её лёгким оптимизмом, стихотворным даром и, что не противоречило оптимизму, ироничным складом ума, всегда была доброй знакомой и «советницей по гуманитарным вопросам» нашей семьи, а на моей свадьбе и вовсе сыграла роль «посажёной бабушки». Дом в Калашном переулке не снесли: какая-то журналистская организация его присвоила и отреставрировала. А мама восемь лет ухаживала за Натальей Петровной и унаследовала её квартиру **в Раменках**, где в настоящее время прописана⁵.

⁵ В начале 1960-х годов улица Лобачевского окаймила собой юго-западный сектор застройки, ширившийся в 1950-е гг. от университетского комплекса на Воробьёвых горах, пройдя почти параллельно чуть более близкой к Университету улице Удальцова, что повторяла изгиб отведённой от неё парком речки Раменки. Улица Лобачевского протянулась по правому (северному) берегу речки Самородинки между Ленинским (бывшим Калужским шоссе) и Мичуринским проспектами, прорезанная посередине проспектом Вернадского, улицей Коштоянца и раздробленным всем этим строительством на отдельные отрезки Боровским шоссе. Из книги П.В. Сытина: «Калужское шоссе... отвечало от себя идущее на запад Воробьёвское шоссе, а само, делая здесь небольшой изгиб, устремлялось на юго-запад. В 2,5 км дальше от него, в этом месте сворачивавшего прямо на юг, отвечало Боровское шоссе, сперва как бы продолжавшее на юго-запад Калужское шоссе, но

Несколько слов я должна сказать о **Боровском шоссе**, теперь в черте города почти не существующем, но от самых Боровицких ворот Кремля призрачной осью пронзившем всё моё московское существование. *Вся моя сознательная домашняя жизнь как-то случайно вдоль этого самого Боровского шоссе и выстроилась!* Протекая в русле Ленинского проспекта мимо моих «прародинных» улиц Донской и Шаболовки, незримое Боровское шоссе устремляется к моему нынешнему дому, по правую руку, в отдалении, оставляя высотку МГУ, а по левую – здание на углу **улицы Н. Крупской** и проспекта Вернадского (д. 19/17), первый этаж наиболее удалённого от проспекта крыла которого и скверик возле долгие годы занимал ведомственный детский сад МГУ, в котором я провела три с лишним незабываемых года (с весны 1970 по май 1973, для ребёнка – целая эпоха!). Прорезав заглохшей тропой пустырь между проспектами Вернадского и Мичуринским (где я любила гулять в юности), миновав Раменки и Раменку-речку металлическим мостом, прикинувшись пешеходной дорожкой в Парке им. 50-летия Октября, Боровское шоссе пересекает улицу Удальцова, чтобы, наконец, на коротком отрезке между улицами Удальцова и Лобачевского впервые вновь обрести своё название и проезжую часть. Здесь-то Боровское шоссе, не обременённое ни единым номером дома, проходит прямо под окном квартиры моих родителей в доме (формально!) по ул. Коштоянца и, в трёх минутах ходьбы по левую руку оставив мой дом, врезается через улицу Лобачевского в территорию МГИМО, где исчезает, незримым на сей раз мостом перекинувшись через речку Самородинку. Если бы никаких улиц, возникших во второй половине XX в., не было, но дом бы мой стоял во чистом поле, каковое здесь было, между сёлами Раменки, Никольским (на месте нынешней Олимпийской деревни) и Тропарёвым, его адрес был бы по Боровскому шоссе! За территориями двух институтов – МГИМО и МИРЭА, – нежно огибаемыми всё той же улицей Коштоянца, Боровское шоссе неожиданно воскресает на карте Москвы между хвостом этой улицы и улицей Покрышкина, затем снова теряется в новостройках микрорайона «Тропарёво-Никулино», стрелой пронзает, как встарь, Востряковское кладбище и, уже за Окружной автодорогой, окончательно становится самим собой, уходя в г. Боровск (знаменитый ссылкой старообрядцев) мимо Солнцева и Новопеределкина вдоль Киевской железной дороги. **А на границе Солнцева (это теперь Москва) и области, в 15 минутах ходьбы от Боровского шоссе вверх по солнцевской улице им. 50-летия Октября (парковая тэзка!) – садоводческое товарищество «Мичуринец»,** где в середине 1950-х годов моя бабушка Г.Б. Маркова получила участок в 6 соток и где прошло моё «дачное детство»! По более цельному ещё тогда Боровскому шоссе от станции метро «Юго-Западная» лежал наш автобусный путь на дачу – мимо ещё живого, с деревенскими домиками в резьбе, сельца Никулина⁶.

затем, менее, чем за 1 км, круто, почти под прямым углом поворачивавшее на запад, чтобы, пройдя около 2,5 км в этом направлении, снова повернуть на юго-запад, приближаясь далее к Киевской железной дороге близ разъезда Суково» (с 1965 г. ж/д станции «Солнечная» близ городка Солнцева, позже получившего статус московского района «на выселках»). «После отхода от Калужского шоссе Боровского... по обеим сторонам первого находилось село Семёновское с фруктовыми садами... На продолжении Боровского шоссе к западу находилась деревня Раменки с фруктовыми садами». Сады эти заброшенные – яблоневые! – я ещё застала в детстве (С.Л.).

⁶ Село Тропарёво было одной из богатых вотчин Новодевичьего монастыря и занимало особое положение среди окрестных селений. В переписи 1718 г. упоминается каменная церковь Михаила Архангела (сохранившаяся до сих пор), которая деревянной возведена была ещё в XVII в. Сельцо Никулино также упоминается как принадлежавшее Новодевичьему монастырю. Есть сведения о том, что соседние сёла Тропарёво и Никулино могли сыграть важную роль во

Пётр Васильевич Сытин, книгу которого я здесь в сносках цитирую, о своём родном Калашном переулке скромно пишет лишь вот что: «В 1565 г. севернее церкви Никиты были поселены «кислошники» Опричного двора Ивана Грозного, находившегося на месте нового здания университета (**Моховая улица⁷, дом № 9**). Они образовали Кисловскую слободу, переулки которой, естественно, названы были позднее Кисловскими. «Кислошники» заготавливали для Опричного двора кислую капусту, солёные огурцы, различные квасы и пр. Слобода простиралась на север до дворов «калашников» (нынешнего Калашного переулка)». Названный адрес «нового здания» университета на Моховой (построенного в 1805 г. и перестроенного после покупки его в 1833 г. для университета), то есть моего родного **журфака МГУ**, не могу не упомянуть среди «своих» московских адресов: на этом месте бывшего Опричного двора Ивана Грозного я провела 11 лет жизни от поступления в Школу юного журналиста в 1981 г. до защиты кандидатской диссертации в 1992-м. Включая же время посещения Школы юного психолога в 1980-м году, недолгой работы в Издательстве Московского университета в 1988-м (в «**доме графа В.Г. Орлова**» – **№ 5 по Большой Никитской**, служившем несколько десятилетий зданием исторического факультета) и трёхлетнего своего обучения (1995–1998) на **факультете психологии МГУ (в трёх корпусах дома № 11)**, в МГУ на Моховой улице я провела почти 15 счастливых лет своей жизни!

Действительно же **новые корпуса МГУ им. Ломоносова на Ленинских горах⁸** стали родным домом, домом Alma Mater, для моей мамы, поступившей на

внутриполитических событиях в конце XVII в. в период перехода власти от Софьи к Петру I. Как указывают источники, сюда, в «монастырское сельцо Микулино в 7 верстах от столицы по Боровской дороге» во время стрелецких волнений прибыл 31 августа 1689 г. Сильвестр Медведев. Он был настоятелем Заиконоспасского (Андреевского) монастыря и приближённым царевны Софьи, с которым та советовалась и просила его гадать по звёздам с целью узнать, что её ожидает. С. Медведев занимался астрологией и был сторонником польско-литовского влияния. Проповедуемые им идеи вызвали критику в русских православных кругах. Ехал тогда Медведев в Никулино к священнику Новодевичьего монастыря Григорию Павлову переждать беспокойное время и предотвратить «готовящуюся беду», в сельце тогда же находился волхв Василий Иконников, который вызвался помочь. Медведева сопровождали стрельцы, которые затем были схвачены и дали показания о том, что и сам Медведев, и Василий Иконников преследовали цели, направленные не только на жезл патриарший, но и на царскую корону. *Информация для этой сноски взята с сайта: <http://tn.org.ru/letopis/glav5.html>.*

⁷ Улица названа Моховой в XVIII в. по находившейся на месте Манежа Моховой площади, где приезжими крестьянами продавался мох, которым конопатили деревянные стены домов. Первые дошедшие до нас сведения об этой улице относятся к XV в. На ней стоял загородный дворец великой княгини Софьи Витовтовны, жены Василия I.

⁸ Уже в древности на Ленинских (Воробьёвых) «горах» было расположено село Воробьёво, купленное великой княгиней Софьей Витовтовной до 1453 г. и с тех пор ставшее дворцовым. В 1521 году при внезапном нападении на Москву Менгли-Гирея внук Софьи Витовтовны Василий III удачно спрятался в этом селе в стоге сена. В 1547 г. во время пожара Москвы в этот дворец удалился Иван Грозный. В 1817 г. на Воробьёвых горах был заложен храм Христа Спасителя, но обнаружилось, что гора осыпается, и в 1827 г. строительство было прекращено. Церковь Троицы (она же – Пресвятой Богородицы живоносного источника) стояла в селе Воробьёве с незапамятных времён, но современное здание построено только в 1811 г. В конце XIX – начале XX в. Воробьёвы горы были любимым местом народных гуляний. А в 1949 – 1952 гг. здесь было построено новое здание Московского университета. Позже были построены гуманитарные корпуса.

Любопытно, добавлю я от себя, не только то, что оба адреса МГУ оказались связаны с именем литовской княжны Софьи Витовтовны, но и то, что в 1565 г. поставив на месте «будущего журфака» свой Опричный дворец, Иван Грозный приказал на «локоть» насыпать двор белым песком, привезённым с Воробьёвых гор, по которому при постройке метро в 1934 г. и узнали точное местоположение Опричного двора. Так что Моховая с Воробьёвыми горами – давние и тайные побратимы!

биологический факультет и остающейся с ним более сорока лет (я как будущий психолог сподобилась прослушать на биофаке только два лекционных курса в 1995 году в течение семестра), для её кузена (моего двоюродного дяди) Вадима Кесаревича Маркова (в 1956 г. он окончил **физический факультет МГУ**) и для моей свекрови Тамары Николаевны с её золовкой Ларисой, учившихся в 1960-е годы на **химическом факультете**. Свекровь после окончания МГУ ещё и проработала на химфаке несколько лет. В 2005, юбилейном для университета, году на **исторический факультет МГУ** поступила моя дочь. Первый гуманитарный корпус МГУ («I ГУМ» или «стекляшка») уже стал для неё родным домом, как и только что выстроенный ближе к Мичуринскому проспекту новый гуманитарный корпус МГУ, (туда переехал истфак).

[см. след. стр.]

Московские вечные адреса: Гаврила Степанович и Александра Егоровна Таракановы (прадед с прабабкой) **похоронены на Даниловском кладбище** в Москве. Борис Петрович и Ксения Петровна Марковы (другие мои прадед с прабабкой) похоронены **на кладбище у Ильинской церкви в Черкизове**. Дедушка Василий Гаврилович Тараканов и бабушка Галина Борисовна Маркова покоятся **на Донском кладбище** (там же – старшие брат и сестра дедушки и старший брат бабушки, там же – вся семья Сытиных). Дедушка Николай Васильевич Лютов похоронен на **Ваганьковском кладбище** (а вот бабушка Мария Герасимовна Суворова – на родине, в с. Карпове, рядом со своей матерью, Анастасией Алексеевной Суворовой).

Дед Н.В. Лютов был награждён медалью «За оборону Москвы» в ВОВ, его односельчанин и родственник Лютов Павел Иванович пропал без вести на рубежах обороны Москвы в 1941 г. (оба были родом из Курской области). В Московском ополчении пропал без вести 16-летний мой дядя (двоюродный) Лев Давыдович Зорько.